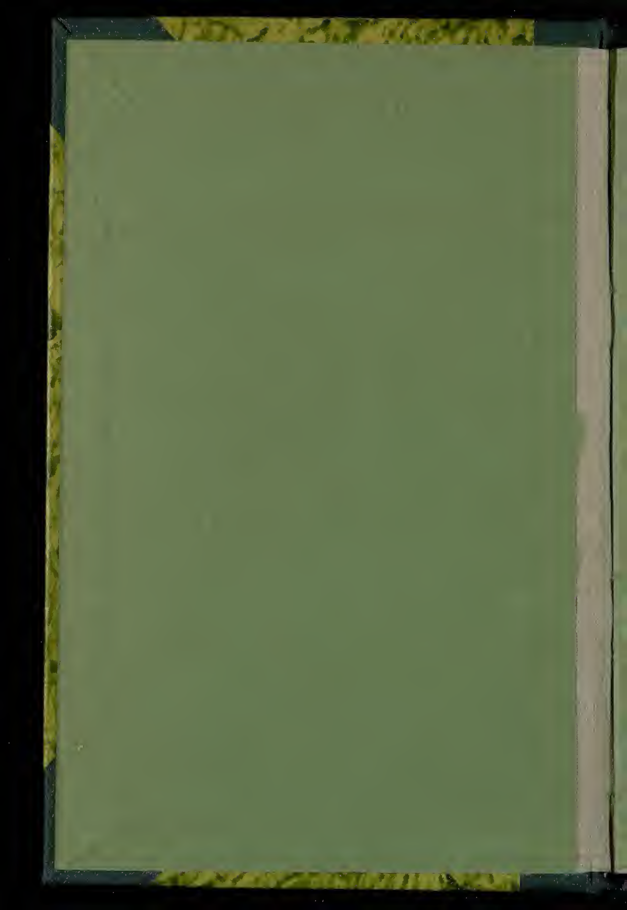
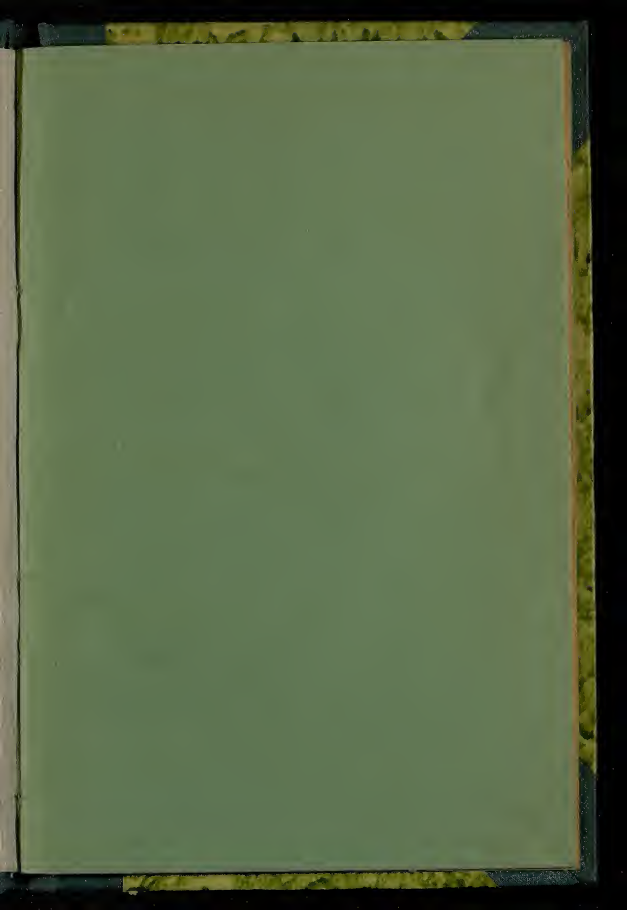
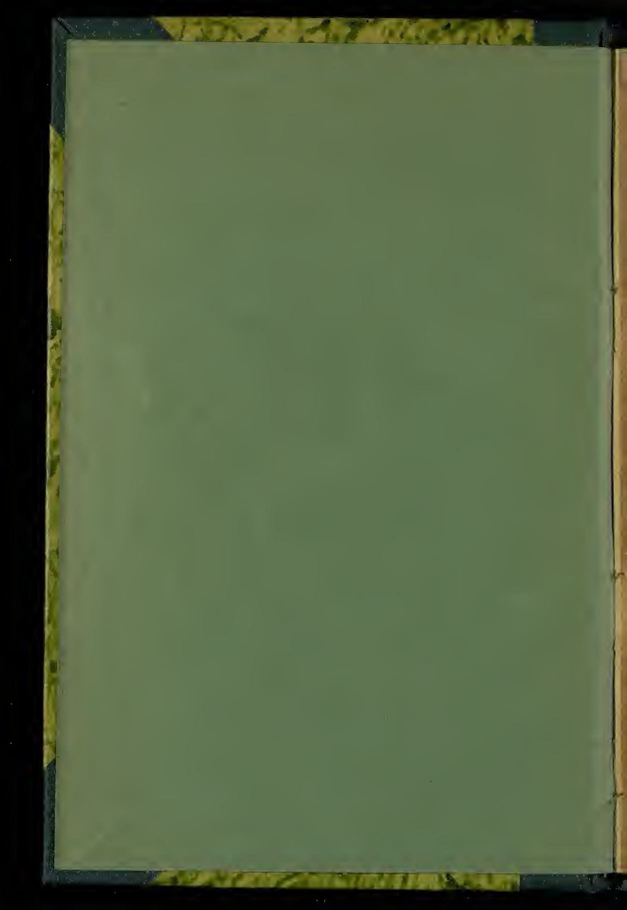
Владиславлев, В.М.
Большевистское движение.
Н.-Новгород, 1917

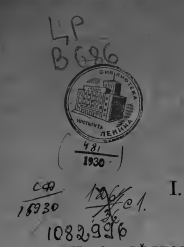

В. М. Владиславлевъ.
(Авлъ Геллій).

БОЛЬШЕВИЦКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Нижній Новгородъ
1917

I.

Законодательная дѣятельность Совѣта Народныхъ Коммисаровъ.

Самое существенное въ томъ соціально-политическомъ теченіи, которое взяло верхъ въ средѣ русскихъ соціалъ-демократовъ въ 1905 г. и которое, еще углубившись и расширившись, теперь такой волной раскатилось по всей Руси великой, заключается въ перегрузкѣ перваго же открывшагося для широкой дѣятельности момента задачами, на исполненіе которыхъ, независимо отъ вопроса объ ихъ осуществимости когда-либо, потребуется упорная и систематическая работа нѣсколькихъ столѣтій. Съ такой перегрузкой логически связано полное презрѣніе къ какой-либо тактикѣ. Какая тутъ очередь? чего тутъ медлить? Мы не можемъ знать, что осуществимо, что—нѣтъ, исторія сама отберетъ все годное для жизни, иначе мы рискуемъ недосѣять нашу полосу, если мы пересолимъ со своей мнительностью. Мы должны проводить въ жизнь всю программу цѣликомъ въ томъ видѣ, какъ она намъ рисуется. А программа наша, извините, широка! Демократизмъ—такъ демократизмъ, чортъ возьми! Полный просторъ потребностямъ и требованіямъ пролетаріата! Долой войну! Долой границы между государствами! Долой капитализмъ и капиталистовъ! Долой военное начальство по назначенію! Немедленное и полное введеніе соціализма!

Эту программу, торопясь, спотыкаясь, не продумывая,* какъ слѣдуетъ, проводитъ наше новое правительство. Приближеніе Учредительнаго Собранія должно было бы освободить его отъ трудной законодательной работы. Не тутъ то было. Одинъ за другимъ сыплются декреты, одинъ другого важнѣе. Какъ бы ни были незначительны люди, отъ которыхъ они исходятъ—къ ихъ произведеніямъ, какъ къ фактамъ общественной жизни, мы должны отнестись внимательно.

Законъ, какъ нѣчто обязательное для всѣхъ гражданъ, долженъ быть точенъ, ясенъ, и въ немъ не должно быть выраженій, допускающихъ двоякое толкованіе. Всякій гражданинъ долженъ полностью отдавать себѣ отчетъ, что именно требуется отъ него закономъ. Этимъ требованіямъ совершенно неудовлетворяютъ декреты новаго правительства. Возьмемъ напр. декретъ о землѣ. Въ § 1-мъ говорится о полной конфискаціи всѣхъ помѣщичьихъ земель, а въ 3-мъ—что опредѣленіе размѣра, до котораго онѣ конфискуются, предоставляется мѣстнымъ совѣтамъ крестьянскихъ депутатовъ. Въ § 2-мъ говорится, что онѣ

конфискуются съ усадьбами и всѣмъ инвентаремъ, а въ наказѣ, приложенномъ къ декрету, сказано наоборотъ, что усадьбы, сады и огороды не отнимаются. Интересно представить себѣ, что будутъ дѣлать мѣстные комитеты, получивъ такой законъ. Если бы это были прежнія бюрократическія учрежденія, то онѣ просто запросили бы у начальства разъясненій, какимъ изъ противорѣчивыхъ указаній имъ руководиться. Но неопытныя въ общественномъ дѣлѣ новыя учрежденія, созданныя революціей, отъ великой святой простоты своей разсуждать не будутъ, а пустятся дѣйствовать такъ, какъ подскажетъ имъ ихъ темпераментъ. Въ одномъ мѣстѣ за помѣщиками усадьбы останутся, а въ другомъ—нѣтъ. Совершенно ясно, что эта пестрота не входитъ въ разсчеты Совѣта Народныхъ Коммисаровъ и произошла только за недостаткомъ осмотрительности и, пожалуй, юридической грамотности редакторовъ декрета—по вопросу, надо замѣтить, занимающему чуть-ли не центральное мѣсто въ революціи!

А есть-ли какой либо здравый смыслъ въ принятомъ Совѣтомъ рѣшеніи упразднить теперешніе сложные суды со введеніемъ вмѣсто нихъ судей изъ народа, которые разрѣшали бы правовые конфликты, порой чрезвычайно головоломные, „не по писаннымъ законамъ стараго правительства, а по своей совѣсти"? Я понимаю роль совѣсти въ вопросахъ уголовной виновности, гдѣ она и введена еще при старомъ правительствѣ, но въ спорѣ о *правѣ*, гдѣ нужна связь съ какими-либо юридическими нормами, внѣ насъ установленными и неизбѣжными при всякомъ строѣ, въ томъ числѣ и соціалистическомъ, исключительная роль совѣсти совершенно непонятна. Совѣсть нужна и тутъ, какъ во всякомъ человѣческомъ дѣлѣ, но тутъ больше всего нужны еще юридическія знанія и умѣнье вѣрно опредѣлять границы правъ разныхъ лицъ. Вѣдь если не будетъ никакой сдерживающей узды надъ душою судей, то повторится происходящее сейчасъ въ волостныхъ судахъ, т. е. произволъ и лицепріятіе, отъ которыхъ стонетъ сама деревня. Зачѣмъ вмѣсто улучшенія уже имѣющагося судебнаго строя понадобилось вводить какое-то *организованное безправіе*, Аллаху одному извѣстно.

А предложеніе начать переговоры съ нѣмцами: „пусть полки, стоящіе на позиціяхъ, выберутъ тотчасъ уполномоченныхъ для формальнаго вступленія въ переговоры о перемиріи съ непріятелемъ". Развѣ допустимо каждому полку въ отдѣльности предоставлять право рѣшать вопросъ о перемиріи, точно возможно на однихъ десяти верстахъ вести войну, а на другихъ десяти ее пріостановить. Война имѣетъ связь съ общимъ положеніемъ всего фронта и, слѣдовательно, даже временное ея прекращеніе есть вопросъ касающійся всего фронта и входятъ въ компетенцію, минимумъ, „Главноверха". Въ передачѣ иниціативы полкамъ очевидно сказалось то утрированное стремленіе къ демократичности, подъ вліяніемъ котораго большевики когда-то, когда еще не стояли у власти, кричали, что они обратятся непосредственно къ массамъ германской арміи, черезъ головы командного состава. И вотъ переговоры начались, но увы, парламентеры подъ конвоемъ препровождались „черезъ головы солдатъ" къ командному составу нѣмецкой арміи и только съ нимъ о мирѣ и говорили. Вотъ вамъ большевицкія обѣщанія и вотъ одно изъ ихъ дѣлъ!

Самое предпріятіе съ *перемиріемъ* до выработки *мира* является явно безумной поспѣшностью. При отсутствіи дисциплины, одинъ фактъ перемирія не могъ не вызвать собой массового отлива солдатъ изъ око-

новъ. Въ темныхъ солдатскихъ головахъ, да еще совершенно отуманенныхъ большевицкой агитаціей, перемиріе было равносильно миру. Фронту стала грозить опасность постепеннаго обнаженія. И, главное, чѣмъ дальше будетъ тянуться перемиріе, чѣмъ больше будетъ таять и рѣдѣть фронтъ, тѣмъ суровѣе будутъ становиться нѣмецкія условія *мира* и тѣмъ труднѣе большевикамъ будетъ не согласиться на нихъ. Дѣло можетъ дойти до того, что нѣмцы никакихъ другихъ условій не будутъ принимать кромѣ полной и безусловной сдачи на милость побѣдителей. И вотъ когда большевики завертятся, какъ чортъ передъ заутреней!

Впрочемъ, они завертятся только, если они честные люди. А ихъ отношеніе къ гражданской войнѣ совсѣмъ другое, чѣмъ къ войнѣ съ нѣмцами. Они не боятся проливать кровь своихъ ближнихъ братьевъ. Лучшими революціонными эшелонами они жертвуютъ, кидая ихъ противъ Каледина, противъ ударниковъ и теперь противъ рады. Когда Калединъ разогналъ большевиковъ, противъ него отряжались по два полка отъ каждаго корпуса. Радѣ предъявляютъ ультиматумъ въ самой задирательной формѣ. Кровь войскъ нѣмецкаго кайзера для нихъ точно святыня, кровь русскихъ солдатъ, матросовъ и казаковъ—для нихъ вода. Заливъ всю Россію братскою кровью, точно хотятъ облегчить побѣду Вильгельму. Если бы былъ тутъ Милюковъ, котораго они такъ справедливо ненавидятъ, то онъ могъ бы и передъ ними въ упоръ поставить свой знаменитый вопросъ: что тутъ такое, глупость или измѣна?

На митингѣ въ циркѣ „Модернъ" коммисаръ по народному образованію Луначарскій повѣдалъ публикѣ о намѣреніи большевицкаго правительства не платить по внѣшнимъ займамъ, за исключеніемъ тѣхъ ихъ долей, которыя приходятся на мелкихъ держателей облигацій. Мнѣ очень было бы интересно посмотрѣть на интеллигентнаго человѣка г. Луначарскаго, когда онъ это говорилъ, и на его публику, которая ему неистово аплодировала. Это обѣщаніе давало или слишкомъ много или ничего. Прежде всего, облигаціи, какъ безыменныя, очевидно получили бы только тенденцію къ переходу изъ рукъ богатыхъ людей въ руки бѣдныхъ держателей, даже безъ какой-либо скидки съ цѣны или съ самой ничтожной скидкой. Въ этомъ случаѣ, обѣщаніе г. Луначарскаго не давало Россіи ничего. А поскольку оно освобождало отъ части или отъ всего 60-милліарднаго долга, постольку оно создавало явный и несомнѣнный casus belli съ тѣми странами, въ которыхъ эти займы размѣщены, т. е. чуть не со всей Европой и Америкой. А чѣмъ мы будемъ воевать, когда у насъ нѣтъ ни матеріальныхъ средствъ къ тому ни армій? Что тутъ тоже, глупость или измѣна?

Кромѣ указанныхъ распоряженій большевицкаго правительства было не мало еще другихъ въ такомъ же родѣ и все это вмѣстѣ взятое въ концѣ концовъ ярко обрисовываетъ программу его. Отмѣнена имъ частная собственность на дома, которые передаются въ вѣдѣніе домовыхъ комитетовъ. Отмѣнена частная собственность на землю съ передачей распоряженія ею земельнымъ комитетамъ и мѣстнымъ совѣтамъ депутатовъ. Отмѣнены суды, причемъ рѣшеніе споровъ и тяжбъ, какъ имѣющихъ происходить внѣ запутанной и сложной сферы имущественныхъ отношеній, отнесено къ компетенціи судовъ народной совѣсти. Забираются въ руки банки и съ народнымъ кредитомъ предполагается поступить также, какъ и съ другимъ имуществомъ побѣжден-

ной буржуазіи. Свободно реквизируется на право и на лѣво все, что только потребуется совѣтамъ депутатовъ: деньги въ банкахъ, большія и просторныя зданія, типографіи и даже бумага для газетъ. Ясно, что правительство Ленина и Троцкаго—какъ ни дико все это звучитъ—вводитъ соціализмъ. Поневолѣ нужно коснуться и этого вопроса.

II.

Возможно ли немедленное введеніе соціализма въ Россіи?

Для успѣшнаго проведенія въ жизнь такой грандіозной мѣры необходима наличность, по крайней мѣрѣ, слѣдующихъ четырехъ условій, а именно чтобы были: 1) необходимыя экономическія предпосылки, 2) почва въ психологіи населенія, 3) сильная государственная власть, способная подавить сопротивленіе меньшинства и 4) готовность къ воспріятію соціализма *во всемъ мірѣ*.

Экономическая подготовка переворота заключается въ законченности процесса сосредоточенія всѣхъ видовъ частной собственности въ рукахъ ничтожнаго меньшинства. Соціализація должна была бы произойти съ помощью насилія надъ собственниками и это тѣмъ легче сдѣлать, чѣмъ ихъ меньше. Если мы обратимъ вниманіе на денежные капиталы, то увидимъ, что до войны нельзя было замѣтить мало-мальски значительной концентраціи ихъ въ немногихъ рукахъ. Росли крупные капиталы, но росли и среднія, росли и мелкіе, благодаря общему увеличенію богатства страны. Во время войны произошло несомнѣнное обогащеніе денежными знаками рабочей и крестьянской массы, т. е. произошла нѣкоторая деконцентрація капиталовъ. Земля, въ теченіе всего времени послѣ паденія крѣпостного права, постепенно, но неудержимо, съ закономѣрностью стихійнаго явленія, переходила изъ рукъ крупныхъ владѣльцевъ въ руки крестьянъ, покупавшихъ землю или обществами или товариществами съ разбивкой права собственности на мелкія доли между участниками покупки. По изслѣдованію Н. П. Огановскаго („Закономѣрность аграрной эволюціи", т. II) въ 1877 году дворянскія земли составляли 77,8% всей площади частнаго землевладѣнія, а крестьянскія только 7%, но уже въ 1905 году % дворянскихъ земель понизился до 52,5, а крестьянскихъ повысился до 23,9. При этомъ распадалось исключительно почти крупное землевладѣніе въ единицахъ свыше 1.000 дес., площадь подъ которыми уменьшилась на 15,5%; на счетъ его увеличились въ разной степени среднее и мелкое землевладѣніе, именно въ слѣдующихъ размѣрахъ: 500—1000 дес. на 15,8%, 200—500 на 36,8%, 50—200 на 59,7% и до 50 дес. на 58,7%. Такимъ образомъ въ Россіи и безъ вмѣшательства государственной власти крупное землевладѣніе обнаруживало явную тенденцію къ переходу въ среднее и мелкое. Число земельныхъ собственниковъ, слѣдовательно, все увеличивалось и земельная собственность все укрѣплялась. Поэтому и отъ революціи, по скольку она таитъ въ себѣ толчки къ органическому развитію заложенныхъ въ хозяйствѣ тенденцій, останется вѣроятно въ

качествѣ ближайшаго послѣдствія окончательный распадъ крупнаго землевладѣнія на болѣе мелкія единицы земельной собственности.

Точно также, на основаніи непосредственнаго наблюденія, мы видимъ подавляющій % домовладѣльцевъ, имѣющихъ въ городахъ по одному дому, значительно рѣже—по два дома и уже въ видѣ исключеній—по три дома и больше. Процессъ сосредоточенія домовой собственности, если онъ только есть, находится еще въ самомъ началѣ.

Такимъ образомъ, сейчасъ нѣтъ соціально-экономической подготовки ко введенію соціализма въ Россіи. Напротивъ, состояніе распредѣленія имущества совершенно враждебно этому нововведенію, а такъ какъ послѣднее есть явленіе матеріальнаго порядка, то указаннымъ состояніемъ экономики на $^3/_4$ уже предопредѣлена его судьба.

Второй пунктъ необходимыхъ условій можетъ показаться производнымъ отъ перваго. Но я въ данномъ случаѣ имѣю въ виду не то настроеніе населенія, которое зависитъ отъ экономики и въ силу котораго собственникъ стоитъ за сохраненіе собственности, а пролетарій—за ея отчужденіе. Я имѣю въ виду уровень психологической подготовки населенія къ воспріятію соціализма. Еще въ 1905 году я писалъ слѣдующее: „Соціалистическій строй не мыслимъ безъ законовъ и разныхъ граней, сдерживающихъ личную волю. Разница между соціалистическимъ и такъ называемымъ правовымъ государствомъ заключается не въ томъ, что первое введетъ какое то безправіе, а въ томъ, что измѣнятся соціальныя задачи права. Теперь право старается оградить свободу и интересы отдѣльныхъ выдающихся или пользующихся тѣмъ или инымъ матеріальнымъ преимуществомъ одиночекъ вплоть до возможности фактическаго порабощенія ими слабыхъ массъ. Тогда право укрѣпитъ всевозможныя преграды этому порабощенію и матеріальному неравенству... Законы, ограждающіе массу отъ эксплоатаціи группами одиночекъ, будутъ гораздо строже и многочисленнѣе теперешнихъ перегородокъ, когда право закрѣпляетъ менѣе сложное и легче формулируемое господство немногихъ надъ многими. Нѣкоторыя сильныя и вольныя натуры, которымъ хорошо живется въ „правовомъ" государствѣ, справедливо усматриваютъ наступленіе для себя въ соціалистическомъ строѣ большаго рабства, чѣмъ теперь. Но разъ это такъ, разъ, слѣдовательно, размахъ личнаго права каждаго будетъ строже ограниченъ,—для будущаго соціалистическаго государства, еще больше, чѣмъ для „правоваго", потребуется отъ каждаго члена общества дисциплина, умѣнье обуздывать себя передъ оградой, за которой начинается право другого. Для соціалистическаго строя необходимъ указанный выше сложный психическій типъ сознательнаго и дисциплинированнаго человѣка, тогда какъ распущенный нищій, протягивающій руку ко всему, что ему хочется, будетъ еще большимъ врагомъ закономѣрнаго соціалистическаго строя и потребуетъ большихъ хлопотъ надъ дисциплинированіемъ его со стороны его болѣе сознательныхъ товарищей» (Авл. Геллій, Мысли о русской революціи).

Спрашивается теперь,—близокъ ли душевный укладъ русскаго человѣка, крестьянина или рабочаго, къ этому типу. Уже общее самочувствіе подсказываетъ намъ отрицательный отвѣтъ на вопросъ. Погромы имѣній, хуторовъ, отрубовъ, грабежи квартиръ, отдѣльныхъ прохожихъ на городскихъ улицахъ, разгромы вагоновъ съ товаромъ и винныхъ погребовъ и складовъ и на верху всего этого, какъ вѣнецъ дѣла, легаль-

ные захваты, секвестры и реквизиціи всякаго имущества большевицкими отрядами, все это является школой—едва ли подходящей для созданія типа гражданина-соціалиста. Отборный отрядъ матросовъ, „краса и гордость революціи“, какъ аттестовалъ ихъ Троцкій, на глазахъ своего главноверха Крыленко, вопреки его энергичнымъ настояніямъ и воплямъ, разорвалъ на части бывшаго главковерха ген. Духонина. А сцены разграбленія погребовъ Зимняго Дворца, когда одинъ караулъ за другимъ, тоже вѣроятно все „краса и гордость революціи“, посылаемые каждые ¼ часа одинъ на смѣну другого, устилали своими „живыми трупами“ Милліонную и Канавку, держа въ трепетѣ и Петроградъ и военно-революціонный комитетъ! Гдѣ же тутъ дисциплинированный гражданинъ-соціалистъ, который въ себѣ самомъ долженъ найти противъ своихъ страстей и узду и умѣнье добровольно наложить ее на себя? Такой гражданинъ у насъ въ Россіи—исключеніе.

Нельзя видѣть даже простой приверженности къ соціализму въ результатахъ выборовъ въ Учредительное Собраніе. Русское крестьянство —колоссальный «попутчикъ» с-р-амъ. Оно увѣровало, что они скорѣе всего дадутъ ему „землю и волю“, и этого было достаточно, чтобы отдать имъ свои голоса *сейчасъ*. Но это еще не значитъ, что, получивъ землю, оно согласится ее соціализировать.

Такимъ образомъ, и въ народной психологіи нѣтъ почвы для принятія соціализма, какъ желаннаго гостя.

Для того, чтобы рѣшить вопросъ, есть ли у большевицкаго правительства сильная власть, достаточно только констатировать, что нигдѣ его не слушаются, и приходится ему, несчастному, все, всякую мелочь, проводить въ жизнь съ помощью вооруженныхъ отрядовъ. Ни почта, ни банки, ни казначейства, ни земства, ни городскія самоуправленія, ни даже собственныя правительственныя учрежденія ему не повинуются. Сибирь, Донъ, Украйна, Бессарабія, Финляндія объявляютъ себя независимыми. Болѣе рѣшительной и въ тоже время болѣе слабой власти у насъ еще не бывало. Правда, сила штыковъ сейчасъ на ихъ сторонѣ, но государственная власть создается не изъ одной этой силы. Эта сила должна у нея быть, однако, она составляетъ, какъ говорится въ математикѣ, необходимое, но недостаточное условіе. Суть государственной власти заключается въ томъ *гипнозѣ*, который заставляетъ повиноваться даже несогласныхъ. А этотъ гипнозъ дается довѣріемъ и уваженіемъ, чего большевики, конечно, не смогли внушить къ себѣ. Въ концѣ концовъ, сейчасъ у насъ нѣтъ не только сильной государственной власти, но даже и слабой.

Теперь четвертая предпосылка: въ какомъ положеніи находится дѣло соціализма въ Европѣ? Этотъ вопросъ потому естественно поставить, что соціализмъ можетъ быть введенъ не иначе, какъ одновременно во всемъ мірѣ. Борьба съ буржуазіей должна вестись одновременно во всѣхъ странахъ. Капиталъ давно уже объединенъ. Бельгійскіе, англійскіе, французскіе, германскіе капиталы размѣщаются во всемъ свѣтѣ, перешагивая всѣ государственныя границы и не гнушаясь никакой національностью. Чтобы успѣшно бороться съ капиталомъ-протеемъ, демократія должна его объединенности противопоставить свое объединеніе. Кромѣ того, если въ какой либо странѣ будутъ создаваться неблагопріятныя условія для свободной работы капитала и будутъ

выдвинуты препоны его наклонности къ сосредоточенію въ немногихъ рукахъ, то капиталъ, юркій, подвижной и свободолюбивый, живо перемахнетъ за границу, туда, гдѣ ему лучше будетъ житься, а при капитализованности производства и торговли это бѣгство капитала, конечно, ослабитъ страну и сможетъ вызвать въ ней торгово-промышленный параличъ. Соціалистическій фронтъ такъ-же нельзя растягивать, какъ любой военный фронтъ, и всѣ страны, демократизируясь, должны поглядывать другъ на друга и помогать отстающимъ, пока капиталу будетъ уже некуда удирать.

И вотъ надо выяснить вопросъ, готовы ли Европа и Америка перейти въ лоно соціализма „вмѣстѣ съ Россіей"? Три послѣднихъ слова я конечно нарочно ставлю въ ковычки. Наиболѣе далеко ушедшей въ смыслѣ укрѣпленія и усиленія своей позиціи до сихъ поръ считалась германская демократія, но, какъ показала война, она стоитъ еще на національной точкѣ зрѣнія, а не международной, идетъ пока нога въ ногу съ кайзеромъ и буржуазіей и одно это обстоятельство уже показываетъ, насколько Германія еще далека отъ соціализма. Въ другихъ странахъ дѣло обстоитъ еще хуже, напр. въ Англіи, гдѣ участіе въ трэйдъ-юніонахъ разбило рабочій классъ на два враждебныхъ лагеря. Въ этихъ профессіональныхъ союзахъ объединяется та часть рабочихъ, которыхъ работа требуетъ предварительной выучки; благодаря тому, что ихъ трудно замѣстить другими въ случаѣ забастовки, они быстро завоевали прекрасное положеніе, фильтруютъ очень строго новыхъ членовъ прежде, чѣмъ принять ихъ на заводъ, мало обученныхъ и наклонныхъ къ алкоголю бракуютъ, словомъ, создали рабочую аристократію, во многихъ случаяхъ солидарную съ предпринимателями и могущую, въ критическій моментъ борьбы пролетаріата съ хозяевами, стать на сторону послѣднихъ, такъ какъ для нихъ выгоднѣе сохранить свои преимущества въ цѣлости, чѣмъ уменьшить ихъ путемъ дѣлежа съ остальной массой рабочихъ.

Такимъ образомъ, нѣтъ и четвертаго условія, а между тѣмъ для введенія соціализма необходимы всѣ четыре. Затѣвать введеніе соціализма въ Россіи сейчасъ еще рано. Тѣмъ, кто такъ пылко рвется впередъ, слѣдуетъ вспомнить гораздо болѣе маленькій соціалистическій опытъ,—введеніе хлѣбной монополіи, которая разсѣялась и растаяла именно благодаря неподготовленности почвы. Всякій соціалистическій опытъ, преждевременно проводимый въ жизнь, постигнетъ та-же судьба, какъ снѣгъ, который выпалъ въ сентябрѣ. Снѣгъ растаетъ и временно получится только грязь.

Петроградъ и Москва сейчасъ, какъ паровые котлы, кипятъ революціоннымъ броженіемъ. Въ этой накаленной атмосферѣ можетъ легко получиться самочувствіе близости соціальной революціи. Такому самообману поддавались умы посильнѣе Троцкаго и Ленина. Марксъ и Энгельсъ въ своихъ циркулярахъ изъ союза коммунистовъ въ 1850 г. объявляли о вѣроятности соціальной революціи въ Европѣ черезъ 16—18 лѣтъ послѣ французской революціи 1848 г. И вотъ, какъ они ошиблись! Марксъ такъ и умеръ нераскаяннымъ грѣшникомъ, а Энгельсъ имѣлъ гражданское мужество за себя и за своего друга повиниться торжественно на закатѣ дней своихъ въ общей ошибкѣ прогноза. Парижъ представляетъ собою нѣчто болѣе близкое для Франціи, чѣмъ Петроградъ для Россіи, однако и онъ не могъ увлечь за собой Францію, и въ

немъ, какъ дымъ, безслѣдно разсѣялись всѣ вводившіяся въ 1848 г. соціалистическія мѣры. Онѣ панесли огромныя зіявшія раны хозяйству Франціи, какъ наносятся раны и нашему національному богатству. Но сильный и здоровый организмъ быстро залѣчивалъ ихъ. Намъ нѣсколько труднѣе залѣчить, такъ какъ у насъ есть непрошенный докторъ---Вильгельмъ. Пока онъ готовитъ намъ лѣкарство и ждетъ наступленія „кризиса", у насъ и на Дону и подъ Бѣлгородомъ растрачиваются лучшія въ боевомъ отношеніи силы, какія еще сохранились, и тратятся другъ па друга послѣдніе снаряды. Это истребленіе собственныхъ средствъ и силъ поставлено уже въ условія стихійнаго бѣдствія. А изъ за чего? Чтобы дать Ленину и Троцкому производить свои безграмотнѣйшие опыты съ соціализмомъ! Какъ все преждевременное, они подорвутъ у многихъ вѣру въ соціализмъ, и испивая предстоящую чашу реакціи, намъ надо будетъ приложить всѣ силы, чтобы изъ революціи выйти съ наименьшими потерями для демократизма, выйти намъ наименѣе ощипанными и искалѣченными.

Анархическій синдикализмъ Ленина и Троцкаго есть выродокъ бланкизма лѣвой части марксистовъ, усвоеннаго отчасти самимъ Марксомъ въ эпоху Коммунистическаго Манифеста. На всемъ ученіи Маркса сохранился революціонный отпечатокъ. Онъ заплатилъ такимъ образомъ дань своему времени. На тогдашнемъ горизонтѣ не было еще общественно-экономическаго движенія, которое, обнаруживая силу и способность къ безпредѣльному росту, могло бы обѣщать постепенный и безболѣзненный захватъ орудій и продуктовъ производства въ свои руки для планомѣрнаго ими завѣдыванія въ общихъ интересахъ. Антиноміи Маркса заключаются въ организованномъ характерѣ производства товаровъ и въ хаотическомъ характерѣ ихъ отчужденія. Кооперація, которая при Марксѣ носила еще характеръ чего то игрушечнаго и вовсе не могла претендовать на роль серьезной экономической силы, въ настоящее время оказываетъ огромное вліяніе и на цѣны товаровъ и па ихъ распредѣленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ кооперація переходитъ уже къ завладѣнію самымъ ключемъ товарообмѣна, именно производствомъ товара. Дальнѣйшее развитіе коопераціи, если оно будетъ итти тѣмъ же путемъ, устраняетъ посредниковъ въ распредѣленіи товара между потребителями, возвращаетъ населенію всю уплаченную имъ прибавочную стоимость, обобществляетъ въ своихъ рукахъ орудія производства и придаетъ распредѣленію товаровъ ту-же организованность какая есть въ производствѣ, словомъ, мирнымъ безболѣзненнымъ путемъ погашаетъ обѣ антиноміи Маркса, сливаетъ тезисъ и антитезисъ въ синтезѣ обобществленія товарообмѣна и орудій производства. Я не являюсь какимъ либо правовѣрнымъ марксистомъ и согласенъ съ необходимостью такихъ поправокъ въ его схемѣ, которыя, быть можетъ, сведутъ ее на-нѣтъ, но мнѣ хотѣлось только указать, что, стоя въ настоящее время на почвѣ марксизма, не слѣдовало бы русскимъ послѣдователямъ повторять ошибки половины прошлаго вѣка, можно было бы очистить ученіе отъ революціоннаго бланкизма, подъ вліяніемъ котораго, какъ современникъ и соучастникъ, находился Марксъ, и преобразовать его въ чисто эволюціонное ученіе съ коопераціей въ видѣ моста отъ хаотическаго частнаго хозяйства къ планомѣрному общественному.

Революціи представляютъ собою очень дорого стоющій аппаратъ прогресса. Онѣ разрушаютъ національное хозяйство и проливаютъ кровь лучшихъ сыновъ страны, наиболѣе пылкихъ, одухотворенныхъ и идей-

ныхъ. Возьмите Великую Французскую Революцію. Лучшіе представители самыхъ разнообразныхъ направленій всѣ наподборъ были унесены безжалостной гильотиной. Изъ болѣе или менѣе крупныхъ ея дѣятелей уцѣлѣли только Карно да Сійесъ. Революція, подобно Сатурну, съѣдаетъ своихъ дѣтей. Отъ преждевременной гибели спасаются наименѣе видные, наименѣе талантливые. Получается какъ бы отборъ посредственности, умственно нечеткаго, нравственно дряблаго. Между тѣмъ путь эволюціи, не колебля хозяйственной жизни страны, сохраняетъ драгоцѣнныя для прогресса силы, даетъ каждой враждующей сторонѣ договорить до конца свое слово и потому культурный слѣдъ, остающійся отъ эволюціи, безконечно болѣе богатъ, чѣмъ оставляемый революціей. Это обстоятельство, какъ фактъ реальной жизни, можно до нѣкоторой степени провѣрить, если страны, шедшія въ теченіи послѣдняго столѣтія путемъ эволюціи (напр. Англія съ 1832 г., Германія, Сѣверо-Американскіе Штаты) и отличающіяся яркостью и мощью, сравнить съ Франціей, пережившей послѣ революціи 1789-1801 г.г. еще революцію 1848 и 1871 г.г. и въ значительной мѣрѣ утратившей сейчасъ прежнюю силу и прежній демократизмъ. Весь демократизмъ, который накапливался въ теченіе мирнаго времени и расцвѣталъ въ періоды революцій, съѣдался во Франціи этими послѣдними. Часть созидательной силы революціи погашается ея разрушительной силой, тогда какъ этой разрушительной силы нѣтъ у эволюціи. Она только созидаетъ. Она не двигается, какъ та,—десять шаговъ впередъ и девять назадъ, а дѣлаетъ всего по одному шагу впередъ, но зато не создаетъ обратнаго теченія. Экономія силъ явная. Явна также и большая прочность у такого неуклоннаго движенія впередъ сравнительно съ революціоннымъ шатаніемъ въ разныя стороны. Революція неизбѣжна, пока нѣтъ политической свободы, пока нѣтъ свободнаго развитія силамъ страны. Но разъ существуетъ свобода собраній, союзовъ, слова, есть демократическое государственное самоуправленіе, основанное на 4-членной избирательной формулѣ, и открыты всѣ способы добиваться осуществленія своихъ интересовъ путемъ мирной политической борьбы, тогда эволюція должна занять всю арену. Силы соціалистовъ должны быть сосредоточены на коопераціи, будущія возможности которой въ направленіи къ соціализму кажутся пока безпредѣльными.

III.

Характеръ практической дѣятельности большевиковъ.

Замѣчательно, что всѣ упомянутыя грандіозныя мѣры введены въ теченіе одного мѣсяца, протекшаго между захватомъ власти большевиками и днемъ созыва Учредительнаго Собранія, введены съ лихорадочной быстротой, трещалъ настоящій законодательный пулеметъ. Притомъ всѣ эти декреты появились въ видѣ „категорическихъ императивовъ", въ видѣ блаженной памяти Высочайшихъ Указовъ „быть по сему", безъ всякаго доклада или объяснительной записки, которыя, надо отдать должное, неизмѣнно сопутствовали всякому мало—мальски значительному закону при царскомъ режимѣ. Между тѣмъ раньше и не снились зако-

ны, столь радикально новые и столь рѣзко мѣняющіе весь строй государственной и общественной жизни, какъ, напр., уничтоженіе—легко сказать—частной собственности на землю, на дома, уничтоженіе судовъ! И ни одной строчки, ни одного мотивирующаго слова къ обществу, къ Европѣ, къ крестьянству, къ рабочимъ, къ солдатамъ (не участвующимъ въ засѣданіяхъ „Цикса"). Вся Россія, получая эти гостинцы, оглушительные, какъ бомбы, не слышитъ ни одного слова въ доказательство того, что преподносимые ей все новые и новые перевороты дѣйствительно своевременны, что почва для нихъ есть, подготовлена, и что наши мудрые правители семь разъ вотъ такъ-то именно примѣряли прежде, чѣмъ отрѣзать. Ничего подобнаго. Получается обратное впечатлѣніе, что какіе то гимназисты сорвались съ ученической скамьи и творятъ исторію, не находя у себя въ головахъ никакихъ задерживающихъ и осложняющихъ дѣло фактовъ. Творятъ, не вѣдая, что творятъ! Правда, жизнь зато и отвѣчаетъ на эти творенія такъ, какъ она еще, кажется, не отвѣчала у насъ на правительственныя распоряженія. Жизнь, оказывается, идетъ сама по себѣ, а законы—сами по себѣ. Кажется даже, что они не для насъ, русскихъ, писаны, что все это просто упражненія въ чистописаніи. Частная собственность на дома отмѣнена, а между тѣмъ всѣ квартиранты, кромѣ самаго анархическаго и некультурнаго типа, вносятъ свою плату за квартиры домохозяевамъ, точно этого закона нѣтъ. Домовые комитеты аккуратно работаютъ по поддержанію самоохраны гражданъ, по закона объ ихъ новой роли не признаютъ, то протестуя, то точно не замѣчая. Суды по прежнему продолжаютъ функціонировать, также вчиняются новые иски, также отзываются отвѣтчики, также судебныя засѣданія происходятъ, точно суды и не отмѣнены. Погромы и поджоги помѣщичьихъ имуществъ происходятъ также, и также земельные комитеты не знаютъ, какъ приступиться къ тому, чтобы оградить земли отъ незаконнаго захвата, и земельный хаосъ продолжается, завися исключительно отъ случайной комбинаціи мѣстныхъ силъ. Словомъ, законы Ленина и Троцкаго не переходятъ съ бумаги въ жизнь. Но жизни отъ этого не легче, а скорѣе хуже, потому что появился какъ ни какъ новый факторъ, четырьмя пятыми населенія не признаваемый, но всюду ввязывающійся, точно пятое колесо въ телѣгѣ.

Все это до такой степени нелѣпо, до того пахнетъ авантюризмомъ, что трудно не повѣрить самому вульгарному и простому объясненію смысла дѣятельности совѣта народныхъ комиссаровъ. Передъ нами будто бы не ученые сумасброды и фанатики, а просто на-просто авангардъ Вильгельма. И деморализація фронта и заключеніе перемирія, вмѣсто мира, позволяющее Вильгельму держать армію въ боевой готовности и обнажающее постепенно передъ нимъ русскій фронтъ, и натравливаніе лучшихъ революціонныхъ силъ на Каледина и ударниковъ, чтобы обѣ стороны истребили другъ друга, тогда какъ только онѣ и могли бы еще оказать нѣкоторое сопротивленіе Вильгельму, и всѣ эти аресты и декреты, увеличивающіе нашъ хаосъ,—все это удивительно какъ совпадаетъ съ тѣмъ, что выгодно Германіи. Если самого Ленина и еще немногихъ изъ его ближайшихъ сподвижниковъ оставить внѣ подозрѣній въ этой гнусности, то все же останется цѣлый рядъ темныхъ личностей, какъ Козловскій, Фюрстенбергъ, Рошаль, Троцкій, Луначарскій. Тутъ, кстати, я долженъ огласить одинъ эпизодъ, не бывшій еще достояніемъ печати. При разборѣ бумагъ нижегородскаго жандармскаго отдѣленія въ началѣ марта нашли алфавитный списокъ лицъ, служившихъ при

Главномъ Жандармскомъ Управленіи, но затѣмъ забракованныхъ за негодностью, такъ что жандармское управленіе предлагало больше уже ихъ не принимать на службу. Въ числѣ лицъ, помѣщенныхъ въ этомъ спискѣ, были Лейба Бронштейнъ-Троцкій и Анатолій Васильевичъ Луначарскій, оба аттестованные „литераторами“. Подлинный списокъ былъ представленъ въ свое время Керенскому, но Керенскій, съ обычнымъ ему замазываніемъ всякихъ шероховатостей, не далъ этимъ даннымъ дальнѣйшаго движенія. Такъ дѣло и заглохло. Но оно пріобрѣтаетъ значеніе въ виду той роли, какую оба дѣятеля играютъ сейчасъ въ явный вредъ Россіи и въ пользу Германіи.

Если спуститься съ верховъ большевицкой организаціи, то ближайшая къ нимъ ступень перворазрядныхъ исполнителей ихъ демократической воли представляетъ собой настоящій букетъ: генералъ Коммисаровъ, бывшій начальникъ петроградскаго охраннаго отдѣленія, теперь чиновникъ особыхъ порученій при предс. военно-слѣдст. ком. Козловскомъ (см. выше); Орловъ, черносотенецъ и быв. личный секретарь предсѣдателя совѣта министровъ А. Д. Протопопова, теперь помощникъ Коммисарова; Дезобри, бывшій членъ главнаго совѣта союза русскаго народа и организаторъ б. об-ва активной борьбы съ революціей, теперь адъютантъ Троцкаго; Муравьевъ, быв. полиц. приставъ, сталъ у большевиковъ сначала главнокомандующимъ Петроградскимъ военнымъ округомъ, а теперь состоитъ чѣмъ то въ родѣ градоначальника; гр. Доверпъ, черносотенецъ, теперь личный докладчикъ Ленина по секретнымъ дѣламъ. Если бы газета „День“ не поторопилась опубликовать поданное нѣсколько лѣтъ тому назадъ поруч. Шпеуромъ прошеніе о пріемѣ на службу въ охранку, то мы имѣли бы кисло-сладкую перспективу услышать, какъ этотъ Шпеуръ ведетъ переговоры о мирѣ съ германскимъ правительствомъ. Служба въ охранкѣ видимо считается и у большевиковъ, какъ и при царскомъ правительствѣ, хотя и полезнымъ, но въ тоже время грязнымъ дѣломъ, такъ что замѣшаннаго въ ней человѣка они не на всякое дѣло пускаютъ. Значитъ, тоже стыдъ имѣютъ! А то я ужъ боялся услышать отъ Ленина что нибудь въ родѣ того, что и отвращеніе къ службѣ въ охранкѣ тоже буржуазный предразсудокъ. Упомянутый выше трогательный списокъ большевики хотѣли повидимому пополнить громкимъ именемъ быв. министра юстиціи Щегловитова. Но знаменитый „Ванька Каинъ“ не такъ глупъ, чтобы торопиться выйти изъ тюрьмы съ нѣкоторымъ пятномъ на вѣрности своему знамени, когда стоитъ только подождать какой нибудь мѣсяцъ и ему съ почетомъ отворитъ двери самъ Вильгельмъ.

Такое союзничество обязываетъ, и большевики, подъ вліяніемъ своихъ друзей справа, уже начинаютъ выпускать изъ тюремъ самые махровые цвѣтки добраго стараго времени, какъ напр. сенатора Бѣлецкаго (б. директ. департамента полиціи) или ген. Курлова (б. шефа жандармовъ), когда то свалившаго, по господствующему убѣжденію, Столыпина за излишній либерализмъ. Большевики жалуются, что чья то „злая рука“ разбрасываетъ по Петрограду десятки тысячъ монархическихъ воззваній, а въ замѣткѣ „Извѣстій Совѣта Р. и С. Д.“ онѣ лицемѣрно приписываются даже и „господамъ Милюковымъ“. Да выпустите еще парочку такихъ дѣятелей, какъ только что выпущенные, и прокламаціи будутъ исчисляться уже не десятками, а сотнями тысячъ! Впрочемъ, и безъ выпуска изъ тюремъ „все это уже было“, какъ говоритъ индійская мудрость. Въ складахъ большевиковъ уже и раньше обнаруживались тюки черносотенной литературы, потому что между черносотенными и

большевицкими массами существуетъ много точекъ соприкосновенія. Тѣхъ и другихъ сближаетъ общая ихъ озлобленность, готовность къ погромамъ и проистекающая изъ глубокаго невѣжества ненависть къ культурѣ и особенно къ кадетской партіи, какъ включающей въ своихъ рядахъ цвѣтъ русской интеллигенціи. Мнѣ приходилось убѣдиться, что мелкіе черносотенные дѣятели прекрасно чувствуютъ себя въ станѣ большевиковъ и не могутъ нахвалиться новой партіей.

Такъ какъ боевой, *ударный* соціализмъ Ленина и его идейныхъ послѣдователей нельзя и проводить въ жизнь иначе, какъ кулакомъ и нагайкой, то и пришлось ему перещеголять даже царское правительство. Сразу въ одинъ день было закрыто около 20 самыхъ распространенныхъ петроградскихъ газетъ. Закрыты не только правыя и кадетскія газеты, закрыто народно-соціалистическое „Свободное Слово", эсеровскія „Воля народа" и „Дѣло народа", с.-д. меньшевицкая „Рабочая газета" и даже, о диво, одна почти большевицкая газета „Новая Жизнь" Максима Горькаго за то, что позволила себѣ сознательное отношеніе къ водворяемому въ странѣ режиму. Въ Петроградѣ не запрещены только большевицкія газеты. Невольно приходитъ на память четверостишіе Владимира Соловьева:

> Наказана ты, Русь, всесильнымъ рокомъ,
> Какъ нѣкогда несчастный Валаамъ:
> Заграждены уста твоимъ пророкамъ
> И слово вольное дано твоимъ осламъ.

За преслѣдованіями печати посыпались аресты членовъ всякихъ партій, особенно же кадетовъ, ненавистныхъ одинаково и черносотенному и соціалистическому крылу большевиковъ. Но тюрьмы переполнены, и скоро свободныхъ мѣстъ не будетъ, а достойныхъ тюрьмы оказывается еще очень много. И вотъ самый „жестоковыйный" изъ большевиковъ Троцкій со сладострастіемъ гориллы уже сталъ подумывать о болѣе радикальномъ средствѣ, которое устраняло бы человѣка навсегда и притомъ безъ переполненія тюремъ: „есть такая французская машинка", заявилъ онъ на одномъ большевицкомъ собраніи,—„которая укорачиваетъ тѣло на одну голову". Вотъ о чемъ уже мечтаютъ люди, вотъ куда пошло! Хотятъ повторить опытъ французской революціи, хотя одного этого опыта достаточно, чтобы его не повторять, потому что разъ только страна ступитъ на этотъ путь, то долго будетъ не въ состояніи выбраться изъ него. Въ немъ есть нѣчто засасывающее, подобно закону родовой мести, отъ котораго цѣлыя племена вымираютъ и не знаютъ, какъ избавиться отъ ига этого обычая. Ни умъ, ни личныя высокія качества, ничто не спасаетъ не только отъ роли жертвы, но даже, какъ это ни странно, отъ роли палача. Робеспьеръ, прозванный за свой скромный образъ жизни и всегдашнее отстаиваніе интересовъ бѣднѣйшихъ классовъ—„Неподкупнымъ", сталъ палачемъ именно для нихъ. Вѣчно кипя въ революціонномъ котлѣ, Робеспьеръ добрался своимъ умомъ до такого убѣжденія, что „основа демократическаго правленія есть добродѣтель, а средство для ея осуществленія—терроръ". Не угодно ли! Терроромъ, оказывается, можно самыхъ отъявленныхъ грѣшниковъ *избавлять* отъ грѣшной жизни, а остальныхъ исправлять устрашающимъ примѣромъ первыхъ. И вотъ Робеспьеръ сталъ усиленно чистить родъ человѣческій во Франціи, возводя ежедневно до 80 человѣкъ на гильотину, но при этомъ погибали обыкновенно совершенно невинные люди. Погибла одна женщина за то только, что назвала казнь

своего мужа „актомъ тираніи", казнили генераловъ за проигранныя сраженія, казнили проститутокъ, тогда какъ виноваты въ ихъ ремеслѣ были или ихъ бѣдность или мужчины, ихъ совратившіе, казнили 18-лѣтнихъ модистокъ, прачку 24 лѣтъ. „Бѣдная прачка, что она сдѣлала?"— восклицаетъ Блоссъ („Франц. Революція")—можетъ быть, ея сочувствіе реакціи выразилось только въ томъ, что она стирала бѣлье на роялистовъ?" Гибли на эшафотѣ, главнымъ образомъ, люди изъ народа, крестьяне, рабочіе, ремесленники и много женщинъ. Терроръ былъ полной безсмыслицей, обрушиваясь главнымъ образомъ на тѣхъ, въ чьихъ будто бы интересахъ онъ былъ начатъ. Но погибли отъ него и всѣ тѣ, кто имъ руководилъ, люди самыхъ разнообразныхъ политическихъ теченій. Точно на пиру обошелъ всѣхъ отравленный кубокъ.

Сорель въ своемъ знаменитомъ трудѣ по исторіи французской революціи справедливо указываетъ непростительность террора для Робеспьера. Когда человѣческой жизнью, свободой и нравами игралъ Людовикъ XIV, то онъ исходилъ изъ общепризнаваемаго тогда права своего, какъ носителя монархической власти, но когда это дѣлалъ Робеспьеръ, стоявшій на почвѣ торжественно провозглашенной Національнымъ Собраніемъ „деклараціи правъ человѣка", то такое расхожденіе слова и дѣла у революціонера-освободителя приводитъ къ полному отчаянью. Въ партійной программѣ большевиковъ, какъ и у всякой другой соціалистической партіи, были черным по бѣлому написаны—свобода слова, собраній, союзовъ и отмѣна смертной казни. И вотъ, удивительно, какъ быстро усвоилъ себѣ готтентотскую логику лидеръ большевиковъ, видный революціонеръ, авторъ крупнаго научнаго труда („Исторія капитализма въ Россіи"), едва только развращающее начало власти попало въ его руки. Вѣдь дѣятельность Ленина, какъ гонимаго революціонера съ одной стороны и управителя—съ другой, повидимому хочетъ сказать: „плохо, коли надо мной насильничаютъ, но хорошо коли я насильничаю". Точно также и Троцкій, мечтающій сейчасъ о гильотинѣ, развѣ не былъ въ томъ станѣ, откуда сильнѣе всего раздавались крики противъ смертной казни въ войскахъ? Ставъ у власти, онъ первый поднимаетъ вопросъ объ ея введеніи и не противъ предателей и измѣнниковъ, какъ былъ тогда поставленъ вопросъ, а противъ своихъ политическихъ противниковъ!

Пунктъ, на которомъ должно быть произведено послѣднее испытаніе демократизма большевиковъ, это—Учредительное Собраніе. Оно воплощаетъ въ себѣ волю всей земли. Меньшинство должно подчиниться волѣ большинства, отдѣльные классы—волѣ всѣхъ классовъ, отдѣльныя области—волѣ всѣхъ областей. Вотъ единственный принципъ, на которомъ можетъ зиждиться свободный строй. Иначе—гражданская война, и тѣ, кто ее возбуждаетъ вмѣсто повиновенія волѣ Учредительнаго Собранія, тѣ—не демократы и, конечно, не соціалисты.

Приходится со скорбью констатировать: большевики относятся къ Учредительному Собранію явно враждебно.

Подобно тому, какъ Французскимъ Учредительному и Законодательному Собраніямъ въ Парижѣ былъ выдвинутъ противовѣсъ въ видѣ болѣе радикальной Парижской Коммуны, такъ точно нашему Учредительному Собранію созданъ противовѣсъ въ видѣ совѣта двухъ группъ, рабочихъ и солдатъ. Еще задолго до созыва Собранія „Правда" недвусмысленно разъясняла, что удобства воздѣйствія этими силами заклю-

чаются въ возможности „ежеминутно мобилизовать ихъ для борьбы“. Мы ужъ и тогда смекали, передъ какимъ грознымъ жандармомъ придется Учредительному Собранію погружаться въ свои высокія думы. „Совѣты останутся,—говоритъ далѣе „Правда“—рядомъ съ Учредительнымъ Собраніемъ, какъ организація революціонныхъ классовъ, *избавленная* отъ присутствія саботирующей буржуазіи“. Видите, въ чемъ преимущество совѣтовъ! Учредительное Собраніе,—изволите ли видѣть,— *не* „избавлено отъ саботирующей буржуазіи“. „Совѣты останутся рядомъ съ Учредительнымъ Собраніемъ, какъ испытанное и закалившееся въ борьбѣ оружіе революціонной борьбы“,—ну, словомъ, какъ молотъ надъ головой Собранія. Еще только вскользь намѣчались вѣроятные результаты выборовъ, а большевики, милые люди, уже оттачивали оружіе противъ грядущаго хозяина земли русской. Но когда явно обнаружилось подавляющее большинство эсъ-еровскихъ кандидатовъ, а большевицкіе кандидаты оказывались приблизительно въ количествѣ ¼, тогда въ оффиціальномъ органѣ большевиковъ въ „Извѣстіяхъ Петрог. совѣта раб. и солд. депутатовъ“, заговорили уже похлестче. Учредительное Собраніе оказалось въ ихъ рукахъ „новымъ идоломъ“, которому чего то поклоняются „буржуи“, а Ленинъ и Троцкій распорядились за три дня до начала засѣданій Собранія арестовать Главную Избирательную Коммисію и разослали, не исполненное, впрочемъ, повидимому нигдѣ, приказаніе арестовать всѣ окружныя коммисіи. Это выходитъ покруче, чѣмъ при старомъ царскомъ правительствѣ, которое только отставляло губернаторовъ, въ кругѣ вѣдомства которыхъ проходили прогрессивные кандидаты, но не арестовывало за это никого. Не приказалъ ли г. Ленинъ бичевать землю за то, что она выростила на себѣ такихъ дерзкихъ депутатовъ, подобно Ксерксу, приказавшему бичевать море, въ которомъ погибъ персидскій флотъ?

Различіе между старымъ и новѣйшимъ русскимъ строемъ простирается еще дальше. Какъ ни были ненавистны царскому правительству лѣвые члены Государственныхъ Думъ, оно, сколько помнится, ни разу не арестовывало ихъ, пока они носили высокое званіе депутатовъ. Но дѣятели новаго режима гораздо свободнѣе въ этомъ отношеніи. И с.-р. и к.-д. „прямымъ сообщеніемъ“, безъ пересадки, летятъ послѣ избранія въ тюрьму, особенно несчастные кадеты, которыхъ при старомъ режимѣ обвиняли въ революціонности, а при новомъ —въ контръ-революціонности. Среди нихъ есть крупные общественные дѣятели, которые, не измѣнившись ни на іоту въ своихъ политическихъ убѣжденіяхъ, подверглись высидкѣ по обоимъ противуположнымъ обвиненіямъ.

Если большевики подымаютъ руку даже на Учредительное Собраніе, то что ужъ тутъ говорить о Городскихъ Думахъ! Ихъ лупятъ, что называется, и въ хвостъ и въ гриву. Въ Петроградѣ послѣднее, разгонное засѣданіе Думы происходило подъ звуки щелканья затворовъ заряжаемыхъ винтовокъ. Въ Москвѣ Дума перебѣгаетъ изъ одной аудиторіи въ другую, въ Нижнемъ-Новгородѣ—цѣлую ночь отсиживалась за баррикадами отъ большевиковъ, въ Саратовѣ—попала всѣмъ составомъ въ участокъ, какъ студенты при царскомъ режимѣ попадали въ Манежъ. Только студенты издѣвательствамъ и глумленію въ манежѣ не подвергались со стороны полиціи, а въ Саратовѣ—Дума всему этому подверглась со стороны красной гвардіи и солдатъ. И все это дѣлается „соціалистами“ по отношенію къ самоуправленіямъ тоже соціалистическимъ по своему составу и главное избраннымъ на основѣ священной для вся-

каго демократа и гражданина 4—членной формулы. И это же самое собираются сдѣлать по отношенію къ Учредительному Собранію, избранному по той же прогрессивнѣйшей формулѣ! Если ужъ тутъ голосъ народа не выражается, то гдѣ же иначе можетъ онъ выразиться? Совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ представляетъ собою только двѣ категоріи населенія вмѣсто всего разнообразія ихъ, какое есть въ населеніи всей страны. Фабричныхъ рабочихъ у насъ всего милліоновъ пять, да солдатъ милліоновъ восемь, а всего въ Россіи избирателей около 75 милліоновъ, т. е. въ шесть разъ больше. Кромѣ того выборы въ Совѣты происходятъ часто открытымъ голосованіемъ, а не тайнымъ, обезпечивающимъ избирателя отъ давленій, часто бывающихъ при открытой подачѣ голосовъ даже со стороны меньшинства. И самый принципъ насильственнаго, вопреки выборамъ, господства одного или двухъ классовъ не дѣлаетъ тотъ режимъ, въ которомъ онъ примѣняется, чѣмъ либо принципіально противуположнымъ царскому режиму, когда, тоже силой штыковъ и тоже опираясь на народное невѣжество, господствовало тоже меньшинство въ видѣ дворянскаго сословія. Только Учредительное Собраніе, избранное по 4-членной формулѣ, является полюсомъ противуположнымъ тому, на которомъ стоитъ самодержавіе. Власть совѣтовъ стоитъ между этими обоими полюсами и ближе ко второму, почему она такъ фатально похожа на него своими пріемами. Проявляя самое открытое презрѣніе къ результатамъ демократическаго способа голосованія, народные коммисары сѣютъ среди темныхъ массъ неуваженіе къ правильно выявленной волѣ народа, т. е. втягиваютъ ихъ въ движеніе противъ себя самимъ. Такъ неистово, безжалостно топча юные, хрупкіе еще побѣги новаго демократическаго строя, они, какъ бѣлые рабы, работаютъ не для своего самодержавія, а для болѣе яркаго, сильнаго и законченнаго его представителя, которому они являются предтечей.

Большевицкая авантюра тѣмъ болѣе была обречена быть этапомъ такого поворота колеса исторіи къ старому самодержавію, что она произведена въ разгаръ особеннаго осложненія продовольственнаго вопроса. Сейчасъ, при наступленіи голодной зимы, при разстройствѣ желѣзнодорожнаго транспорта, при запрятываніи крестьянами избытковъ хлѣба, слѣдовало бы всѣ силы, всѣ классы, всѣхъ людей призвать къ братскому объединенію, чтобы изъ-за жадности одпихъ буквально не умирали голодной смертью другіе. Гражданская война неизбѣжна должна была вырыть пропасть между различными областями Россіи. Заварившаяся война юга, богатаго хлѣбомъ и углемъ, съ промышленнымъ сѣверомъ обрекала послѣдній на неизбѣжный голодъ, хлѣбный и угольный. Пострадаютъ отъ него, главнымъ образомъ, тѣ самые большевицкіе раіоны, которые довѣрчиво пошли за авантюристами. Но пострадаетъ и та часть населенія, которая, живя среди нихъ, повинна только въ томъ, что будучи безоружна, не могла преодолѣть большевиковъ. А голодъ ведетъ къ тому патологическому душевному состоянію, когда остатки сознательности исчезаютъ и всплываетъ въ народныхъ массахъ все вѣковое, стихійное, исконно-привычное, значитъ, и приверженность къ той политической формѣ, которая существовала триста лѣтъ, т. е. къ ярму стараго царскаго самодержавія. Всѣ умные политики и экономисты считаются съ этой человѣческой чертой и только Ленину да Троцкому море по колѣно!

IV.

Причина раскола между интеллигенціей и народомъ.

Драма переживаемаго теперь момента заключается въ разобщеніи интеллигенціи и народа. На одной сторонѣ стоятъ сознательные слои населенія, представители всѣхъ политическихъ партій, начиная съ с.д. меньшевиковъ и кончая умѣренно правыми, всѣ ученые, художники, адвокаты, печать, врачи, учителя, чиновники, наиболѣе развитые рабочіе, весь, можно сказать, мозгъ страны, на другой—солдаты, большинство рабочихъ и нѣкоторая часть крестьянъ, т. е. руки и ноги большого національнаго организма. Въ 493 г. до Р. Х. плебеи, будучи недовольны притѣсненіями патриціевъ, всѣмъ народомъ снялись и ушли изъ Рима на такъ называемую Священную Гору. Патриціи остались въ Римѣ, какъ безъ рукъ, но съ другой стороны и плебеи не знали, съ чего и какъ начать имъ жить отдѣльно, остались безъ головы. Мененій Агриппа къ нимъ пришелъ для переговоровъ и этимъ сравненіемъ съ тѣломъ и его разными частями убѣдилъ плебеевъ вернуться въ Римъ. Но сейчасъ положеніе сложнѣе: тысячи Мененіевъ говорили въ этомъ родѣ, но народъ не признаетъ интеллектуальнаго превосходства интеллигенціи, а видитъ въ ней только эксплуататоровъ и паразитовъ. Прежде, при царскомъ режимѣ, интеллигенція чувствовала себя далекой отъ народа и отвѣтственность за это отчужденіе возлагала именно на полицейскій режимъ. Теперь уже 9 мѣсяцевъ нѣтъ этого режима, но пропасть выросла до небывалыхъ размѣровъ. Вмѣсто прежняго отчужденія одно время мелькнуло было вниманіе и сочувствіе, но затѣмъ явилась въ народѣ злоба къ интеллигенціи и эта злоба теперь все растетъ.

Первой причиной тяжелаго явленія былъ несомнѣнный промахъ интеллигенціи въ дѣлѣ строительства новой государственной жизни. Революціонная демократія проговорила все драгоцѣнное время, въ теченіе котораго надо было дѣло дѣлать. Какія ни создавались высшія народныя учрежденія—Совѣтъ ли рабочихъ депутатовъ, Съѣзды ли, Совѣтъ ли Республики—всюду они обращались въ безконечныя и безплодныя говорильни. А время шло, и народъ сталъ уже дѣйствовать самъ по своему крайнему, хотя и очень плохому разумѣнію.

Это первое разочарованіе народа въ интеллигенціи пополнилось и укрѣпилось картинами митинговъ на мѣстахъ и новыхъ демократическихъ думъ, гдѣ деклараціи со стороны фракцій на обще-политическія темы оттѣсняли на задній планъ мелкіе, но неотложные вопросы мѣстной городской жизни.

Затѣмъ произошло взаимное непониманіе вслѣдствіе того, что жизнь современнаго государства поставлена въ чрезвычайно сложныя условія и ни на одинъ коренной и существенный вопросъ нельзя дать простого и яснаго отвѣта, а приходится давать сложный отвѣтъ, своей непонятностью для малоразвитого человѣка возбуждающій въ немъ недоумѣніе и подозрительность.

Вотъ, напримѣръ, вопросъ о войнѣ. Мы, интеллигенція, не меньше, а, конечно, больше страдаемъ отъ войны, чѣмъ рабочіе. Прежде всего рабочіе какъ разъ являются лицами, которые, если бы не работали на оборону, то пошли бы сами на войну. Они, въ большинствѣ случаевъ, принадлежатъ къ семьямъ, не давшимъ ни одного солдата государству. Такого подбора среди интеллигенціи нѣтъ и у нея больше сыновей, мужей, отцовъ и братьевъ находится въ окопахъ. Затѣмъ, заработокъ рабочихъ въ среднемъ съ начала войны увеличился въ 6—7 разъ, а заработокъ интеллигенціи, особенно казенныхъ, земскихъ и городскихъ служащихъ, въ лучшемъ случаѣ вдвое, а обыкновенно раза только въ полтора, тогда какъ дороговизна увеличилась разъ въ пять. Поэтому интеллигенція больше, чѣмъ рабочіе, терпитъ отъ войны. Крестьяне сравнительно тоже улучшили за время войны свое положеніе, будучи болѣе независимы отъ рыночныхъ цѣнъ, легко переходя съ денежнаго на натуральное хозяйство и обладая кромѣ того еще большимъ количествомъ денежныхъ знаковъ вслѣдствіе полученія отъ казны пайковъ на членовъ семьи и вслѣдствіе очень высокой оплаты физическаго труда. Такимъ образомъ, интеллигенція должна была сильнѣе крестьянъ и рабочихъ стоять за скорѣйшее прекращеніе войны. Но она понимаетъ, что сепаратное заключеніе мира безъ союзниковъ обозначаетъ изоляцію Россіи въ сферѣ международныхъ отношеній, крайне опасную для всякаго, кто ей подвергнется. Кромѣ того, прекращеніе войны безъ побѣды надъ Германіей, побѣды, которая несомнѣнно уже была близко, влечетъ за собой постоянную опасность новой кровопролитнѣйшей войны, перспективу вѣчно вооруженнаго мира. Наконецъ, сила Германіи въ нашихъ глазахъ обезпечиваетъ силу и нашей свергнутой династіи. Вотъ почему мы и сами удерживались и другихъ удерживали отъ стремленія къ миру. Значитъ, выходитъ такъ, что мы желаемъ прекращенія войны, но....

Соціалисты объявляютъ себя врагами имущественнаго неравенства, но когда имъ предлагаютъ сейчасъ взять богатства и раздѣлить между бѣднымъ народомъ то они, во-первыхъ, начинаютъ высчитывать, какъ мало придется на каждаго бѣдняка, и, во-вторыхъ, говорятъ, что еще нельзя, еще рано, по такой то и такой то мудреной причинѣ. Опять выходитъ: мы—враги неравенства, но....

Удивительно единодушно мы всѣ признаемъ, что земля должна быть возможно скорѣе передана трудящимся, но только не путемъ захватовъ, потому что иначе нѣкоторые крестьяне получатъ слишкомъ много, а другіе—ничего. Земельный вопросъ долженъ быть рѣшенъ Учредительнымъ Собраніемъ планомѣрно и уравнительно. Опять, значитъ, мы за одно съ крестьянами, но......

Особенно сложно отношеніе интеллигенціи къ Совѣтамъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ. Въ разныхъ представителяхъ интеллигенціи оно различно, но отношеніе наиболѣе широкихъ круговъ такое, что за ними признается роль классовыхъ или профессіональныхъ организацій, но государственный характеръ признается только за тѣми учрежденіями, которыя избраны по 4-членной формулѣ и носятъ характеръ внѣклассовой. Мы за Совѣты, но . . . . .

— Что за чортъ!—воскликнетъ простой человѣкъ. Куда ни повернись, какой вопросъ ни затронь, на все у интеллигенціи какая то сложная и непонятная простому человѣку точка зрѣнія, передъ всякимъ хорошимъ дѣломъ у нихъ выростаетъ неизмѣнное „но“...

Упрекъ справедливъ, но съ другой стороны сложность отвѣтовъ вытекаетъ не изъ сопротивленія благу народа, не изъ отдѣльной какой либо своей политики, а изъ сложности современнаго положенія вещей, изъ большей сложности государственной точки зрѣнія сравнительно съ классовой. Представьте, что вы идете „цѣлиной", внѣ дорогъ, и вотъ въ одномъ мѣстѣ передъ вами оврагъ. Если вы пойдете „прямо", по прямой линіи, то вы надолго и мучительно завязнете на днѣ оврага, заросшемъ въ видѣ проволочнаго загражденія. Вы благоразумно предпочтете обойти оврагъ хотя бы и далеко кругомъ. Натыкаетесь вы дальше на болото. Можетъ быть, вамъ даже придется повернуть, о ужасъ, назадъ («контръ-революціонеръ»! „буржуй") и тоже его обходить, и такое обходное движеніе сбережетъ вамъ и силы и время. Такъ и въ государственной и политической жизни. Прогресъ не заключается въ сплошномъ, неизмѣнномъ движеніи впередъ. Бываетъ, что и назадъ немного попятишься, изъ тактическихъ соображеній или поневолѣ. Крестьяне прекрасно понимаютъ, что надо обходить и болотце и оврагъ, но аналогичныя обходныя движенія и заминки въ политикѣ имъ кажутся всегда подозрительными. И нѣтъ ничего болѣе легкаго, какъ играть на этомъ недовѣріи.

И вотъ большевики кричатъ: вздоръ, нечего ждать, бери пока можно, углубляй и расширяй революцію!

И большевики же объяснили широкимъ массамъ населенія, почему всѣ демократы-интеллигенты разсуждаютъ такъ двойственно: оттого, что они сами буржуи, что они такіе же господа, какъ и помѣщики и фабриканты, такъ же одѣваются и такъ же живутъ, какъ тѣ, кормятся отъ помѣщиковъ и фабрикантовъ—кто въ качествѣ врача, кто адвоката, и потому за нихъ и стоятъ.

Въ „Извѣстіяхъ Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ" (№ 240) есть такое заманчивое обоснованіе изложеннаго взгляда:

„Кто контръ-революціонеръ?

„Мы постоянно пользуемся этимъ словомъ, когда говоримъ о Церетелли, Гоцѣ, Данѣ и прочихъ „бывшихъ" людяхъ, оставленныхъ революціей, въ ея стремительномъ бѣгѣ, позади себя.

„Контръ-революціонерами называемъ мы людей, именующихъ себя соціалистами и революціонерами, принадлежащими къ эсеровской и меньшевицкой партіямъ.

„Помилуйте, говорятъ намъ, какіе же контръ-революціонеры люди, боровшіеся съ царизмомъ, проведшіе долгіе годы въ тюрьмѣ, каторгѣ, ссылкѣ, люди, отдавшіе лучшіе годы своей жизни борьбѣ за свободу?

„Да, отвѣтимъ мы, они были революціонерами, когда у насъ шла буржуазная революція, когда нужно было бороться противъ царизма. Но теперь Россія вступила въ эпоху пролетарской, соціалистической революціи, революціи противъ капитала, и буржуазные революціонеры превратились въ контръ-революціонеровъ."

Ясно и опредѣленно. Признавайтесь, тов. Церетелли, и Вы, бабушка русской революціи, что Вы томились на каторгѣ только для того, чтобы смести полицейскія и всякія другія препоны передъ сво-

боднымъ развитіемъ капиталистической мощи Рябушинскихъ и Нобелей. Ничто другое Васъ не вдохновляло! Большевики обращаютъ сейчасъ противъ с.-р. и с.-д. меньшевиковъ то самое оружіе, которымъ когда то обѣ эти партіи злоупотребляли въ борьбѣ съ кадетами и которымъ они дискредитировали въ глазахъ довѣрчивыхъ аудиторій болѣе тонкіе тактическіе шаги своихъ болѣе опытныхъ политическихъ противниковъ. Пускаемое въ ходъ большевиками объясненіе тайныхъ пружинъ интеллигентской позиціи, какъ молнія, озаряетъ сознаніе темныхъ массъ населенія. Такъ вотъ что! Народъ и безъ того-то считалъ „господами" всѣхъ людей, ходящихъ въ крахмальныхъ воротничкахъ. Вѣковое недовѣріе ко всему надъ-крестьянскому слою было благопріятной почвой для такихъ сѣмянъ, и вотъ противъ всего практически умнаго, внушеннаго знаніемъ жизни, законовъ исторіи, противъ всѣхъ соображеній государственнаго характера, сталкивающихся съ классовыми, въ пользу всего утопическаго и неосуществимаго, выдвигается теперь народомъ одна дискредитирующая всѣхъ несогласныхъ характеристика, одинъ выводъ «буржуй», хлесткій и обидный для всякаго демократа, какъ пощечина.

Поворотъ отъ эсерства, какъ самаго крупнаго теченія русской политической мысли, къ большевизму обнаружился еще на осеннихъ выборахъ въ городскія думы. Явленіе это пока еще городское, фабричное и пригородное. Въ городахъ быстрѣе стучитъ темпъ политической жизни, чѣмъ въ селахъ, гдѣ привязанность къ эсерству черезъ лозунгъ „Земля и воля" еще держится. Но сейчасъ по деревнямъ разъѣзжаются солдаты въ отпуска и въ „чистую", имъ сопутствуетъ слава и ореолъ большевизма-побѣдителя и въ концѣ-концовъ, если бы выборы въ Учредительное Собраніе происходили мѣсяцами двумя позднѣе, число голосовъ, поданное за большевиковъ, было бы больше.

Къ нимъ примыкаютъ селенія, еще не хлебнувшія этого отравленнаго напитка. Но, къ счастью, одновременно съ этимъ, въ размѣрахъ почти такихъ же, идетъ убыль большевизма, главнымъ образомъ, благодаря обнаруженію вражды большевиковъ къ Учредительному Собранію, такъ какъ подавляющее большинство населенія, въ томъ числѣ многіе рабочіе и солдаты, понимаетъ скорѣйшую необходимость появленія регулятора обще-государственной жизни, наиболѣе авторитетнаго, избраннаго на началѣ всеобщности и равенства. Когда обнаружилось отношеніе большевицкихъ вождей къ Учредительному Собранію, то и октябрьское возстаніе ихъ получило голо-захватническое освѣщеніе и еще непопулярнѣе стала та готовность, съ которой они бросались на пролитіе русской крови при бережливомъ отношеніи къ нѣмецкой. Многихъ заставилъ призадуматься ихъ ударный соціализмъ: разрушеніе суда, частной собственности, личной неприкосновенности, свободы слова и собраній. А послѣ боевыхъ пораженій, понесенныхъ отъ Каледина и Рады, исчезъ и страхъ обывателя передъ ихъ всемогуществомъ,

Кромѣ того, большевизмъ вовлекаетъ въ свою орбиту большія массы не сознательнаго, не организованнаго и не дисциплинированнаго населенія да притомъ на почвѣ демагогическихъ лозунговъ, разслабляющихъ и дальше и ту, какая есть, организованность. Поэтому большевицкое движеніе должно развалиться на мелкія части въ силу „противорѣчія" между размѣромъ втянутыхъ въ него массъ и силой ихъ сцѣпленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, разсчитывать на долговременность дѣйствія демагогическихъ лозунговъ можно только при крайнемъ презрѣніи къ безысход-

ной тупости обманываемыхъ массъ. Но если это презрѣніе есть, то оно должно быть повернуто своимъ остріемъ въ обратную сторону: „мужикъ сѣръ, да умъ у него не волкъ съѣлъ“. Всѣ упомянуты обстоятельства создаютъ противовѣсъ распространяющейся сейчасъ по деревнямъ заразѣ.

Изъ всей большевицкой программы, очень много обѣщающей и крайне общедоступной по содержанію, больше всего популярна, конечно, идея немедленнаго мира. Еще когда большевики впервые—было выступили въ Петроградѣ, слухи о немедленномъ мирѣ, кѣмъ то устраиваемомъ и пока еще не пріуроченномъ къ большевикамъ, уже гуляли по селамъ и возбуждали всеобщій восторгъ, особенно женскаго населенія. Когда произошелъ Калущскій прорывъ и ужасъ передъ нимъ охватилъ сознательную сельскую интеллигенцію, бабы въ селахъ серьезно развивали мысль, что ничего тутъ худого нѣтъ, что война безсмысленна и подъ Вильгельмомъ имъ даже будетъ лучше, такъ какъ Вильгельмъ заведетъ въ Россіи порядокъ и многому хорошему насъ же, дураковъ, научитъ. Напрасно интеллигенція разъясняла, что Вильгельмъ заведетъ такіе порядки, какіе будутъ выгодны нѣмцамъ, а не намъ, что сепаратный миръ вызоветъ новую войну съ союзниками и пр. и пр. Все было напрасно. Бабы выслушивали съ удовольствіемъ, что имъ говорилось, какъ слушаютъ хорошихъ актеровъ, даже соглашались, но видно только наружно, потому. молъ, что господа всегда такъ и должны разсуждать: хитро какъ-то и не въ дѣло. Пришлось убѣдиться, что большевики до нѣкоторой степени народны даже въ равнодушіи къ надвигающемуся на насъ нашествію нѣмцевъ.

Вопросъ,—а можетъ ли народъ обойтись безъ интеллигенціи, не возбуждаетъ въ большевикахъ никакого сомнѣнія: не боги горшки лѣпятъ—отвѣчаютъ они. Отвѣтъ льститъ самолюбію массъ. Онѣ всегда признавали умственное и даже нравственное превосходство интеллигенціи надъ собой и всегда имъ тяготились, какъ обстоятельствомъ. парализовавшимъ ихъ собственные шаги. Теперь имъ объявлено, что мнѣніе о превосходствѣ интеллигенціи невѣрно, что оно составляетъ остатокъ стараго режима и идетъ отъ буржуевъ, чтобы продолжить умственный плѣнъ народа. Большевики громко объявили то мнѣніе „буржуазнымъ“. Словомъ, воскресла „махаевщина“. Крестьяне доходили до того, что на какомъ то сельскомъ сходѣ фельдшеру дали дипломъ врача. Совѣтъ народныхъ комиссаровъ недалеко ушелъ отъ этого, назначивъ солдата Муралева главнокомандующимъ московскимъ округомъ, а прапорщика Крыленко, никогда не нюхавшаго пороха, верховнымъ главнокомандующимъ всей русской арміи. Прикажутъ—Крыленко станетъ и акушеромъ! Насколько легко на такія назначенія смотрятъ даже наиболѣе интеллигентные изъ большевиковъ, видно изъ того, что когда на приглашеніе, посланное къ служащимъ Министерства Народнаго Просвѣщенія комиссаромъ Луначарскимъ, не явился никто, а собрались только 30—40 курьеровъ и сторожей, то Луначарскій поручилъ собравшейся публикѣ передать высшимъ служащимъ, что если они не признаютъ большевицкаго правительства и 20-го ноября не явятся на службу, то будутъ всѣ уволены, и онъ, комиссаръ, „не постыдится“ привлечь къ работѣ въ министерствѣ новыя силы изъ низшихъ слоевъ населенія. Слѣдовала ссылка на совѣтъ комиссаровъ, который тоже „не постыдился“ назначить Крыленко. Сторожа и курьеры вѣроятно облизнулись отъ удовольствія, предвидя и для себя возможность снесшибательнаго движенія по

службѣ. Но слова Луначарскаго оказались бравадой. Забастовки онъ не сломилъ, она продолжается, по назначить курьеровъ на мѣста директора или вице-директора департамента онъ все-таки „постыдился" и предпочелъ уйти въ отставку. Значитъ не такъ то легко замѣнить! Вѣдь и Крыленко могъ безъ полнаго провала фигурировать въ качествѣ главноверха только потому, что онъ явился не къ войнѣ, а къ шапочному разбору, къ началу мирныхъ переговоровъ и разъѣзду арміи, ставъ такимъ образомъ верховнымъ главнораспускающимъ. Ну, это не трудно. А развѣ мыслимо будетъ замѣнить бойкими па языкъ солдатиками-профессоровъ, инженеровъ, учителей, врачей, когда они будутъ удалены? Трудовыя массы безъ этихъ спеціалистовъ будутъ безпомощны и въ концѣ концовъ простой народъ придетъ самъ къ сознанію азбучной для насъ истины, что массы не проживутъ безъ интеллигенціи, какъ и она безъ нихъ. При сложности нашей теперешней жизни происходитъ раздѣленіе труда, дѣлающее необходимымъ для всего народа трудъ каждой профессіи. И приходится вспомнить въ концѣ концовъ слова Мененія Агриппы.

V.

Заключеніе.

Революція въ своемъ поступательномъ движеніи развиваетъ такія силы, съ которыми сама не можетъ справиться. При старомъ строѣ общій ходъ дѣлъ—хорошо ли, худо ли, скорѣе худо, чѣмъ хорошо!—регулировался властью, которую многіе ненавидѣли и презирали, но которой всѣ повиновались. Создавалось координированное устремленіе силъ въ опредѣленномъ направленіи. Но вотъ этотъ регуляторъ исчезъ. Всѣ силы въ странѣ, всѣ интересы были предоставлены себѣ, всѣмъ хотѣлось забраться повыше другихъ и энергія всѣхъ ихъ была направлена на парализованіе другъ друга. Вся эта борьба классовъ, политическихъ, соціальныхъ, территоріальныхъ и національныхъ стремленій, не находя себѣ выхода, создавала такую накаленную атмосферу, которая напоминала жаръ въ человѣческомъ тѣлѣ. Но въ то время, какъ фагоциты знаютъ свое дѣло и самоотверженно работаютъ па выздоровленіе организма, люди въ революціонномъ состояніи наоборотъ руководятся преимущественно своими групповыми и классовыми интересами, а государственное начало, какъ бывшее столько лѣтъ тѣсно связаннымъ съ ненавистнымъ старымъ режимомъ, въ революціонный періодъ бываетъ даже дискредитировано, вмѣсто того, чтобы загорѣться въ свободныхъ гражданахъ съ большей силой. Всякія стѣсненія свободы національнаго и религіознаго самоопредѣленія, бывшія при старомъ строѣ, вымещаются на новомъ, хотя онъ именно несетъ свободу. Вся гнусность старыхъ пріемовъ командованія войсками вымещается на революціонной арміи, разрушая въ ней дисциплину, превращая ее въ толпу вооруженныхъ людей. То боевое напряженіе, которое прежде принудительно поддерживалось въ интересахъ государства старой властью, съ ея паденіемъ ослабѣваетъ, не пріобрѣтя еще добровольныхъ мотивовъ, но потерявъ принудительные. И страна терпитъ внѣшнія пораженія, которыя въ глазахъ народныхъ массъ и въ глазахъ всего міра дискредитируютъ не только революцію, дѣйствительно виноватую въ нихъ, но и тѣ народныя стремленія, которыя черезъ революцію хлынули, какъ вода черезъ

прорванную плотину. Старая монархія, чтобы отвлечь вниманіе отъ внутренней неурядицы, вовлекала массы въ военныя авантюры, ненужныя и вредныя для страны. И по естественному побужденію и по закону реакціи противъ этой тенденціи стараго режима, революціонное движеніе всю силу и энергію страны направляетъ на разрѣшеніе исключительно внутреннихъ вопросовъ и задачъ, нарушая равновѣсіе уже въ другую сторону. По логикѣ выходило бы такъ, что сначала слѣдовало бы упрочить новый истинно-правовой порядокъ, чтобы внутри и на почвѣ его уже идти къ соціально-экономическимъ измѣненіямъ. Но у революціи своя логика и она, быстро минуя политическій періодъ, цѣликомъ окунается въ борьбу классовъ, которая въ виду негодности старыхъ правовыхъ нормъ и отсутствія новыхъ, переходитъ на высшій судъ къ единственному остающемуся источнику права — къ силѣ оружія. Такъ какъ оно у войскъ, то неизбѣжно, фатально, войска втягиваются въ политику, а штыки — это страшно непостоянный и неустойчивый элементъ: сегодня онъ обращенъ въ одну сторону, завтра—въ другую. Чтобы заполучить себѣ эту силу, приходится подольщаться къ къ ней и ступить смѣло и безостановочно на путь увеличенія правъ и уменьшенія ея обязанностей, а такъ какъ мощь ея проистекаетъ именно изъ отреченія каждаго изъ ея членовъ отъ многихъ правъ личности, то слѣдовательно, стремленія всѣхъ партій работаютъ въ конечномъ счетѣ на обезсиленіе арміи. Чѣмъ кто безстыднѣе будетъ въ этомъ смыслѣ, тѣмъ больше шансовъ имѣть ему солдатскую массу на своей сторонѣ! Въ результатѣ дисциплина исчезаетъ, солдаты отказываются производить ученье, держать караулы и окончательно деморализуются. Привыкнувъ себя считать силой, за которой всѣ ухаживаютъ, они разносятъ всюду съ собой пропаганду силы, какъ источника права, иллюстрируя на каждомъ шагу пропаганду собственнымъ поведеніемъ.

Такой же процессъ разложенія общественности, хотя и въ менѣе острыхъ формахъ, происходитъ и въ крестьянской и рабочей средѣ. Такъ какъ народъ изголодался по благамъ жизни, то онъ съ жадностью набрасывается на все, попавшееся ему на пути, и идетъ, конечно, не за тѣмъ, кто ему будетъ напоминать о необходимости согласовать свои запросы съ интересами цѣлаго, въ предѣлахъ котораго онъ живетъ и съ благосостояніемъ котораго тѣсно связано его личное благополучіе; нѣтъ, онъ пойдетъ тоже за тѣмъ, кто побольше и поправдоподобнѣе ему наобѣщаетъ. Въ теченіе революціоннаго періода программы и планы переустройства жизни постепенно вытѣсняются все болѣе и болѣе радикальными до того, что уже теряютъ всякую связь съ условіями времени и мѣста и принимаютъ совершенно утопическій характеръ. Страна приходитъ въ тупикъ, какъ разъ, когда атмосфера особенно накалена, желанія достигли максимума нетерпѣливости, массы опережаютъ вождей, не слушаются ихъ и кончаютъ примѣненіемъ къ нимъ того самаго недовѣрія, которому они такъ старательно и успѣшно учили массы по отношенію ко всѣмъ другимъ. Чтобы атмосфера разрядилась, надо во что-бы то ни стало найти виновныхъ въ получившемся тупикѣ, измѣнниковъ, саботажниковъ, контръ-революціонеровъ, которыми и оказываются политическіе противники господствующаго въ данный моментъ теченія, хотя бы они даже благоразумно или въ порывѣ отчаянія отошли на время въ сторону отъ политики, видя не только безполезность своей болѣе умѣренной программы, но и вредное раздражающее дѣйствіе ея на массы. Кровопусканіе можетъ происходить и не въ формѣ дѣйствія „машины, укорачивающей тѣло на одну голову“, такъ какъ смягченіе нра-

вовъ дѣлаетъ ее иногда принципіально непріемлемой. Кровопусканіе можетъ принять форму затяжной гражданской войны, войны одной мѣстности противъ другой, одной политической партіи противъ другой, одного класса противъ другого, и всѣ они могутъ искренно считать себя защитниками революціи противъ ея враговъ, такъ какъ всѣ они могутъ быть заинтересованы въ благополучномъ исходѣ революціи, но каждая группа вкладываетъ свое пониманіе въ задачи ея. Въ этотъ моментъ, когда впервые проливается братская кровь, начинается реакція. Кровь заставляетъ содрогнуться и критически поглядѣть вокругъ себя. Вѣра въ революцію падаетъ, утопичность ея „послѣдняго слова" и многихъ предыдущихъ все рѣзче бросается въ глаза. Съ самочувствіемъ происходитъ такая же перемѣна, какъ у человѣка, который изъ театральной залы попалъ за кулисы. То, что представлялось „самой жизнью", оказывается крашеными тряпками, натянутыми на доски. Силы дѣйствительной реакціи, окрыленныя перемѣной, дѣйствуютъ съ большей энергіей и получается стремительный бѣгъ назадъ, который во Франціи кончился Наполеономъ и противъ котораго мы, сознательные демократы, должны приберечь всѣ свои силы, чтобы это стихійное движеніе остановить съ наименьшей потерей завоеваній революціи. Больше всего революція потеряетъ въ политической области, меньше всего въ соціально-экономической. Всѣ достиженія въ этой послѣдней области народъ бережетъ, какъ такія, цѣнность которыхъ ему особенно понятна. Онъ въ нихъ вцѣпляется мертвой хваткой и не выпускаетъ изъ рукъ. Политикой глубоко интересуются только сравнительно незначительныя группы населенія, болѣе интеллигентныя. Народъ участвуетъ въ политической борьбѣ безъ энтузіазма, пассивно, проявляя наоборотъ большую и иногда даже излишнюю активность въ практическомъ проведеніи въ жизнь соціально-экономическихъ задачъ. Благодаря этому политическія формы легче соціально-экономическихъ могутъ послѣ революціи принять прежній видъ. Французская революція конца XVIII в. въ политическомъ отношеніи кончила властью болѣе самодержавной и сильной, чѣмъ какая была при началѣ революціи, но зато земли дворянства и духовенства, составляющія $^2/_3$ земельной площади Франціи, перешли мелкими участками въ собственность крестьянъ, феодальный строй съ гражданскимъ неравноправіемъ былъ до-чиста сметенъ и вмѣсто него „кодексъ Наполеона" установилъ равный для всѣхъ гражданскій правопорядокъ.

Состояніе нашей революціи осложнялось еще наличностью неконченной войны. Германія заняла по отношенію къ Россіи чрезвычайно умное положеніе. Опытъ Великой Французской Революціи, когда французская армія, плохо обученная, наскоро собранная, отбивала нападеніе всей Европейской коалиціи, показалъ, какую страшную силу представляетъ войско, охваченное революціоннымъ энтузіазмомъ. Вильгельмъ боялся вызвать этого духа. Онъ занялъ выжидательное положеніе и предоставилъ Россіи вариться въ собственномъ соку. Время было его союзникомъ. Но онъ все же не дремалъ. Съ первыхъ же дней переворота онъ двинулъ сотни и тысячи своихъ агентовъ, чтобы создавать хаосъ, затрудненія, смуту и вообще воспользоваться „завоеваніями революціи" и для Германіи. Въ запломбированныхъ вагонахъ, какъ какую нибудь разводку чумы, онъ перевезъ черезъ Германію представителей самыхъ крайнихъ соціалистическихъ и революціонныхъ партій и выпустилъ этотъ драгоцѣнный грузъ въ Россіи. Тотъ спросъ на все крайнее, который развивается при всякой революціи (во-время, какъ пожаръ, неликвидированной), нашелъ въ привезенныхъ эмигрантахъ убѣжден-

ныхъ и фанатическихъ проповѣдниковъ. И такъ какъ ихъ проповѣдь потакала всѣмъ слабостямъ и страстямъ массъ, то она имѣла огромный успѣхъ. Въ этомъ же направленіи деморализированія темнаго человѣка дѣйствовала вся наемная нѣмецкая агентура и въ этомъ же направленіи въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ изо всѣхъ силъ работала, нечего грѣха таить, вся революціонная и соціалистическая демократія. Только когда въ результатѣ такой дружной агитаціи началъ разгораться настоящій анархическій пожаръ, эсеры и эсдэки—меньшевики стали постепенно отставать отъ нея и опредѣлять къ ней отрицательное и даже враждебное отношеніе. Почти вся военная и революціонная интеллигенція, кромѣ „пломбированныхъ“ эмигрантовъ, отдѣлилась отъ большевиковъ. Въ качествѣ руководителей броженія они остались одни въ союзѣ съ нѣмецкими агентами. Но къ нимъ на подмогу постепенно стали подходить слуги стараго режима, бывшіе полицейскіе, жандармы, охранники, народъ все очень цѣнный, такъ какъ—практики. Этотъ двойственный характеръ большевицкаго движенія, чудовищный союзъ самыхъ крайнихъ революціонно—анархическихъ элементовъ съ полицейскими и провокатарами двухъ странъ(!), при томъ воюющихъ между собой[!], заставляетъ всякаго двойственно относиться къ оцѣнкѣ движенія, заставляетъ съ одной стороны критиковать его, какъ явленіе идейное, по существу, а съ другой имѣть въ виду непрестанно его гнусное второе лицо. Благодаря совпаденію задачъ обоихъ направленій, они, какъ мы видѣли выше, дѣйствовали не параллельно, а переплетаясь, какъ дѣйствительные союзники, состоя одни на службѣ у другихъ и имѣя общую организацію. Ихъ соединеніе было не механическое, а химическое.

Весьма возможно, что большевики, *даже чисто идейные* изъ нихъ, получали деньги отъ Вильгельма, и какъ ни кажется такой поступокъ безнравственнымъ, я лично не могу бросить въ нихъ камнемъ за это, потому что нравственное *право* брать деньги у Вельгельма они черпаютъ въ особенностяхъ своего міросозерцанія, не признающаго ни границъ между государствами, ни ихъ интересовъ, какъ отдѣльныхъ цѣлыхъ, не признающаго войну между ними, а только *внутри ихъ*, только войну нижняго слоя населенія съ верхнимъ, борьбу пролетаріата съ буржуазией. При полномъ проникновеніи этимъ взглядомъ исчезаетъ самая мысль объ отечествѣ, какъ о чемъ то болѣе дорогомъ, чѣмъ любая другая страна. Для соціалиста нѣтъ отечества, говорится въ теоріи. Но только въ *теоріи!* Война показала, что *на практикѣ* всѣ англійскіе, нѣмецкіе, французскіе соціалисты признаютъ и любятъ отечество, Ленинъ и его идейные товарищи страшны тѣмъ, что дѣло у нихъ въ данномъ случаѣ не расходится со словомъ. Они дѣйствительно не признаютъ отечества. Даже включеніе Россіи въ составъ Германской Имперіи ихъ не испугаетъ, а наоборотъ можетъ даже показаться однимъ изъ этаповъ дальнѣйшаго развитія интернаціонализма, какъ уменьшеніе числа государственныхъ границъ и какъ возможность перекинуть соціальный пожаръ въ среду слишкомъ прѣснаго германскаго пролетаріата. Они даже уже пишутъ нѣмецкія книжки для пропаганды среди нѣмецкихъ солдатъ. Если Вильгельмъ, такая цѣльная шовинистическая натура, способенъ понять своего антипода Ленина, то онъ, вѣроятно считаетъ послѣдняго просто дуракомъ, работающимъ на него, Вильгельма, но и Ленинъ, беря отъ него деньги на свою интернаціоналистическую пропаганду, тоже, навѣрное, считаетъ дуракомъ Вильгельма. Мы можемъ, конечно, негодовать на то, что тысячами жизней и судьбой большого государства играютъ для своихъ соціалистическихъ опытовъ, мы можемъ присоеди-

питься къ оцѣнкѣ, сдѣланной Вильгельмомъ, умственныхъ способностей большевицкихъ вождей, но мы не можемъ видѣть здѣсь подкупъ и считать ихъ поступокъ безнравственнымъ, такъ какъ они брали деньги на осуществленіе своихъ, если угодно, бредней, своей *идеи*, какъ она въ ихъ умахъ сложилась, и если все выходитъ у нихъ такъ, какъ нужно Вильгельму, то это у нихъ, насколько я понимаю, не цѣль, а случайное совпаденіе, для нихъ даже не важное. Вильгельмъ для нихъ то, что называется у нѣмцевъ, „попутчикъ".

Вотъ все-таки что изъ себя представляютъ *лучшіе* изъ нашихъ теперешнихъ правителей! Во главѣ государства стоятъ люди, которымъ въ высокой степени наплевать на интересы государства, какъ отдѣльнаго цѣлаго. Поэтому то они не боятся быть обманутыми тѣми нѣмецкими плѣнными офицерами, которые, зная ихъ слабую струнку, предлагаютъ имъ изъ плѣнныхъ составить особый корпусъ для пропаганды среди нихъ въ большомъ масштабѣ ленинскихъ идей и для защиты особъ народныхъ коммисаровъ отъ русскихъ пьяницъ. А плѣнные, еще до полученія разрѣшенія, тучами уже слетаются въ Петроградъ. Но Ленина и Троцкаго это не тревожитъ, потому что съ *ихъ* точки зрѣнія нѣтъ ничего страшнаго, если этотъ корпусъ даже сыграетъ роль авангарда Вильгельма.

И между тѣмъ большевицкое движеніе, заразительное для темныхъ массъ своимъ лозунгомъ „Миръ и Земля", обойдетъ, навѣрное, всю Россію и только переболѣвъ имъ, какъ корью, гигантъ младенецъ наконецъ поправится и даже пріобрѣтетъ иммунность къ новому заболѣванію, не потому, что его не будетъ продолжать втягивать въ бѣду его темнота, а потому, что увлеченіе большевизмомъ со всѣми его печальными послѣдствіями послужитъ предметнымъ урокомъ исторіи, отъ котораго народъ поумнѣетъ. И самое это броженіе, глубоко всколыхнувъ возбуждающими идеями триста лѣтъ спавшую страну, оставитъ народъ какъ бы перерожденнымъ, выросшимъ и созрѣвшимъ. Это—то небольшое добро, какое остается отъ большого зла, внесеннаго большевиками. Проклятіе родины ляжетъ на нихъ за то, что, пользуясь нездоровыми тенденціями революціоннаго времени и темнотой народа, они широкому демократическому развитію революціи первые придали легковѣсный демагогическій характеръ; ради достиженія власти напали врасплохъ на Временное Правительство за мѣсяцъ до созыва Учредительнаго Собранія; въ теченіе всего этого мѣсяца принимали всѣ мѣры, чтобы сорвать его созывъ; лучшія революціонныя силы натравили на лучшія силы порядка; безтактными и вызывающими дѣйствіями старались изолировать Россію отъ союзниковъ; до заключенія мира устроили перемиріе, раздувая его значеніе, точно это уже былъ миръ, и тѣмъ вызвали стихійное обнаженіе фронта передъ войсками Вильгельма; гражданской войной приблизили голодъ для сѣвера Россіи, декретами „быть по сему" пытались вводить какой-то анархическій соціализмъ и всѣмъ своимъ поведеніемъ въ отношеніи къ избраннымъ по 4-членной формулѣ учрежденіямъ распространяли въ народѣ недовѣріе къ демократическому способу избранія властей, выгодное только для реакціи и самодержавія. Но главная ихъ вина, самая тяжкая,—это стремленіе использовать для своихъ цѣлей темныя силы, вмѣсто чего на дѣлѣ получилось использованіе *ихъ темными силами*.

Изъ тяжелыхъ внутреннихъ потрясеній и внѣшнихъ ударовъ, на-

спесенныхъ ими, Россія выйдетъ ободранная, ощипанная и истекающая кровью. Но мы должны напрячь свои силы, не падать духомъ и помнить, что, несмотря на всѣ эти бѣдствія, Россія не погибнетъ. Погибнемъ мы, Россія останется. Крики малодушныхъ о гибели родины напоминаютъ мнѣ шумъ листьевъ, падающихъ осенью на землю. И тотъ же у насъ самообманъ, какъ у нихъ.

Осенніе листья по вѣтру кружатъ,
Осенніе листья въ тревогѣ вопятъ:
„Все гибнетъ, все гибнетъ. Ты черенъ и голъ,
О, лѣсъ нашъ родимый, конецъ твой пришелъ."
Не слышитъ тревоги ихъ царственный лѣсъ.
Подъ темной лазурью суровыхъ небесъ
Его спеленали могучіе сны,
И зрѣетъ въ немъ сила для новой весны. (Майковъ).

Цѣна 60 к.

